

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ ГРУППА КАК ЭТАП СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА

Self-Regulated Children's Group as a Stage Of Child's Socialization

Valentina Romenkova

University of Latvia, Latvia

Abstract. *The article is devoted to the study of the activities of one of the institutions of children's socialization – a self-regulated children's group. The self-regulated children's group is a voluntary gathering of children living in the same neighborhood. Until recently, such a group played a significant role in nurturing in a person such qualities that are required in society: the ability to negotiate with others, the ability to defend one's opinion in permitted manner, the ability to act in accordance with the rules accepted in society, the ability to work for the benefit of others, etc.*

The aim of the study was to determine the presence of the group as a socialization institution, the features of the group's emergence in a historical context, the characteristics of Latvian children's groups, their structure, territory, dwellings, activities.

Child's participation in a self-regulated children's group is a necessary stage of socialization in a traditional society.

The study, based on which one can explain the existence of a self-regulated children's group, was made by M. V. Osorina. She examined the concept of the world in the consciousness of an individual and the formation of this concept at various stages of the child's development. The formation of the image of the world occurs due to the mastery of space: his own body, family home, the place where the child lives. The child's territorial space increases as he grows up. He inhabits each of these places, and goes from social-daily to deeply-significant knowledge. When the child's territory expands and goes beyond the boundaries of his yard, he lives in it with other children. In author's opinion, when they gather in groups, children begin visiting places that until then were forbidden. According to M. V. Osorina, this territory includes the "boundaries", "ways" along which every child loves to walk, and a "place" – the locus of space where a person satisfies any needs and experiences certain feelings. Such places are places for games, "scary" places, places of existential-philosophical and religious experiences, "interesting" places, places of meetings, places of solitude. A unique material was collected by the author about the "headquarters" that the children built in their territory.

The group facilitates the formation of a group identity through the development of the idea of "Us" in joint walks, games, pranks, etc. Belonging to the group is strengthened by the use of secret "languages", incomprehensible to the uninitiated.

An old study of R. Hurt (1978) reveals the features of territorial behavior of children in a small American town. He found that from 7 to 14 years of age, the boundaries of space that children live in expand rapidly. According to the author, this is due to the entry of children into school.

Boys always take up a space 1,5–2 times larger than girls. At the age of 14, children no longer tend to explore new spaces, but live within known limits.

Looking ahead, we would like to note that according to our data, at this age most children are already leaving the self-organized children's group. Consequently, the territory expands as long as the group needs it, and the active research behavior is more in the interest of the group than of each individual child.

Keywords: *self-regulated children's group, group activity, peculiarities of relations in a normative and an antisocial group.*

Введение **Introduction**

Актуальность исследования обусловлена состоянием общественных институтов, влияющих на процесс социализации детей. Существование однопотных и неполных семей, депопуляция народа в нашей республике в целом сужают самую близкую ребенку социальную среду, в котором происходит его вхождение в общество. Так, с 1991 года население Латвии сократилось более, чем на 700 тыс. человек, а процент детей в населении страны до достижения работоспособного возраста составляет в 2017 году 14,9 %, всего за год снизившись на 0,3 % (Demogrāfija, 2017).

Между тем, до недавнего времени, группа являлась важнейшим фактором социализации ребенка. Семью и дом рассматривают как первичную территорию социализации человека, а группу детей по соседству как форму стихийной социализации и расширения освоенного пространства (Мудрик, 2000).

Наше исследование носит в некотором смысле исторический характер. Группа детей разного возраста, проживающих поблизости, перестала существовать как социальный феномен. Как показывает наш опрос, родители перестали отпускать ребенка играть с другими детьми, боясь ответственности за недосмотр за ребенком, опасаясь несчастных случаев. Кроме этого, изменилась структура популяции. Так, количество рождающихся за год детей уменьшилось вдвое: с 41–42 тыс. человек в 1991 году до 21 тыс. в 2017 году (Krūmiņš & Krišjāne, 2017). В то же время, группы подростков оказывают все большее влияние на человека в период его взросления, и это влияние в большинстве случаев является контркультурным, оппозиционным по отношению к взрослым и их ценностям (Маслинский, 2012; Мигунова, 2009).

Целью исследования является определение особенностей самодетельной детской группы (состава, территории, деятельности, характера отношений внутри группы) в историческом аспекте как неотъемлемого фактора социализации ребенка.

Методы исследования включали *опрос, беседу и самоотчет* 803 взрослых, бывших участников детских групп, и качественный *анализ полученных материалов (описательно–аналитический метод)*. При анализе данных учитывался пол и возраст детей, место проживания (городская или сельская группа), а также регион Латвии, в котором вырос ребенок.

Исследование осуществлялось в несколько этапов. На *первом этапе* в ходе опроса было выявлено как наличие самодеятельной детской группы, так и долговременный характер ее существования. Поскольку проводившие исследование студенты (113 человек) проживали во всех исторических областях Латвии, а респонденты были их родными и близкими, а также соседями участников, появилась возможность проследить существование группы на конкретной территории на протяжении длительного времени.

На *втором этапе* было расширено количество респондентов с тем, чтобы опрашиваемые разного пола, а также возраста, представляли репрезентативную выборку. Эта задача не вполне удалась, т.к. мужчин в возрасте 50 лет и старше было гораздо меньше, чем женщин, как и респондентов, живших до Второй мировой войны. В связи с этим, выборки были разделены на довоенные (20–е –30–е годы), послевоенные (конец 40–х годов – 60–х), родительские (поколение 70–х – 80–х годов) и современные (90–е–начало 2000–х годов). При анализе полученных данных реконструировалась деятельность группы определенного временного периода и определенного региона. Важным представлялось показать деятельность группы в целом, отразить ее насыщенную, богатую событиями активность, а также определить качества нормативной группы.

На *третьем этапе*, участвующие в исследовании студенты, сами предоставили самоотчеты, в которых описывалась структура их группы и ее деятельность. Воспоминания о детстве как таковые в самоотчет не входили, т.к. он отражал установленные ранее характеристики группы (состав, территория, деятельность, характер отношений внутри группы). Опрос также касался только указанных аспектов. Поэтому группа предстала как мало меняющийся социальный институт, имеющий большое значение для ее участников.

На *четвертом этапе* было проведено изучение реально существующих самодеятельных детских групп в отдельных районах и городах с целью их классификации (нормативная или асоциальная).

Возрастной диапазон опрашиваемых очень широк – четыре поколения бывших детей. Самый старший участник опроса родился в 1903 году. Исследование продолжалось с 1994 по 2002 год.

Постановка проблемы *Definition of problem*

Сведения о существовании самодеятельной, т.е. самостоятельно действующей, детской группы или сообщества детей, относительно независимых от взрослых, очень обширны. Многие этнографы и путешественники, изучая так называемые “отсталые” или традиционные общества, отмечали факт раннего отделения детей от взрослых, а также факт существования самодеятельной детской группы (Богораз–Тан, 1934; Косвен, 1957; Брайант, 1953; Мид, 1988). Считалось, что такая группа является составной частью именно традиционного или примитивного общества.

На каком–то этапе жизни дети образуют как бы свое общество, живут, добывают пищу, упражняются, играют. Во многих случаях такая свобода включает и свободу взаимоотношений с представителями противоположного пола, а также известную свободу от моральных установок взрослого общества. С молчаливого согласия взрослых детям позволено нарушать некоторые законы (охотиться в неполюженном месте, воровать добычу у представителей соседнего племени и т. п.).

Группа, о которой идет речь, обычно объединяет детей от 6–8 лет до наступления половой зрелости. Именно до этого возраста детей еще продолжают кормить грудью в традиционном обществе (Эриксон, 1996). Дети более раннего возраста, хотя и привлекаются к занятиям взрослых, еще очень малы, чтобы жить самостоятельно (Базанов, 1934; Мид, 1988). Поскольку дети в том качестве, в котором они находились в самодеятельной группе, не способны быть нормальными полноценными членами взрослого общества, для их возвращения требуются чрезвычайные меры. При обряде инициации – посвящения – детей подвергали жестоким моральным и физическим испытаниям, устрашению, в результате которых индивидуализм, непокорность и самоуправство ребенка оказывались сломленными. Их место занимало нормальное, с точки зрения общества, духовное содержание, в том числе и социальное. Характер испытаний при инициации зависел как от реальных трудностей, которые ожидали человека в качестве взрослого члена общества, так и от степени отклонения в нормах морали и поведения молодого поколения. На существование такой связи в свое время указал Э. Эриксон (Эриксон, 1996).

Возраст детей группы, как мы уже упомянули, был от 6–8 до 12–14 лет. Перед обрядом инициации выбранных для этого детей отделяли в особую группу, где испытуемых готовили к обряду.

По данным выше указанных авторов (за исключением работ М. Мид, где отдельно анализируются особенности взросления мальчиков и девочек,

(Мид, 1988)) трудно определить состав группы по половому признаку, так как наблюдатели писали просто “дети”. Есть основания предполагать, что в большинстве случаев речь идет только о группе мальчиков.

Д. Б. Эльконин в своем труде приводит данные М. О. Косвена, который в своих “Очерках истории первобытной культуры” на основе обобщения широкого этнографического материала пишет: “С необычайно раннего возраста дети, в особенности мальчики, становятся в значительной мере самостоятельными. Уже с трех–четырёх лет мальчики большую часть времени проводят со своими сверстниками, начинают по–своему охотиться, ставят западни на птиц, умеют уже управлять лодкой и т. п. В шесть–семь лет они часто живут уже совершенно самостоятельно, нередко в отдельной хижине, ведут более сложную охоту, ловят рыбу и пр.” (Эльконин, 1978).

Наличие жилища у членов самодеятельной детской группы и его тип зависели от климатических условий, в которых жил народ, а также от трудностей при его постройке. В теплом климате Меланезии соорудить хижину не представляло для детей особого труда (Мид, 1988). В условиях Севера, естественно, выжить отдельно от взрослых было невозможно. Дети народов Севера лишь изредка использовали в качестве общих помещений ледяные пещеры. Так как чукотскому ребенку с 6–7 лет не разрешали заходить в ярангу до наступления темноты в любую погоду, то дети отыскивали место, где отдохнуть в пургу (Рытхеу, 1967)). Современные дети африканского народа масаев вообще живут в отдельной деревне, в которую взрослые ходят только изредка.

Занятия детей самодеятельной группы освещены в литературе наиболее широко. В своем труде о происхождении детской игры Д. Б. Эльконин обобщил очень большой круг этнографических источников. Поскольку исторически предшественником игры у детей Д. Б. Эльконин считал труд, его выводы о занятиях детской группы представляются убедительными и ценными для нашего исследования. Они позволяют оценить детскую группу как важный социальный институт. Главное внимание автора было обращено именно на занятия детей. Автор отметил, что в традиционном обществе занятия детей не отличаются от таковых у взрослых, а орудия труда являются уменьшенными функциональными копиями орудий взрослых. Играют дети мало, очень редко в литературе описываются ролевые игры (Эльконин, 1978).

М. Мид также заметила бедность сюжетов и фантазии в играх детей в племенах, которые она изучала. Таким образом, дети в самодеятельной детской группе просто живут, самостоятельно выживают и, в конце концов, их возвращают в общество (Мид, 1988).

Существование такого устойчивого образования как самодеятельная детская группа свидетельствует о ее необходимости, встроенности в

систему воспитания молодого поколения в традиционном обществе. Учитывая, что группа все время пополняется новыми детьми взамен выросших, она в известном смысле вечная. На основе анализа литературы можно сделать *вывод о некоторых полезных функциях, которые выполняет группа в процессе социализации детей.*

Дети учатся выживать, сосуществовать с природой, совершенствуют первоначально показанные взрослыми способы добывания пищи, постройки жилищ. Дети фактически сами себя кормят. Таким образом, взрослые освобождаются от дополнительной ноши заботиться о них. Только в трудные периоды взрослые и дети вновь объединяются (Базанов, 1934; Богораз–Тан, 1934; Косвен, 1957; Брайант, 1953; Мид, 1988).

Дети безнаказанно нарушают запреты, установленные взрослыми. Таким образом, не подвергаясь немедленному наказанию, они убеждаются в их обоснованности на своем собственном опыте, понимают их смысл.

В детской группе очень быстро происходит уменьшение агрессивности ее членов, поскольку стиль общения детей между собой гораздо жестче, чем у взрослых. Этому способствует и разновозрастной состав группы. Исследования агрессивности подтверждают факт снижения агрессивности ребенка при попадании его в детскую группу и снижения агрессивности при помещении младшего ребенка в группу детей старших по возрасту (Хекхаузен, 1982).

Взрослые члены общества избавлены от необходимости реагировать на незрелое поведение ребенка. Традиционное общество избавлено от противостояния поколений, а его дети терпимы к взрослым.

Следовательно, пребывание ребенка в самодеятельной детской группе является необходимым этапом социализации в традиционном обществе.

Исследование, опираясь на которое можно объяснить существование самодеятельной детской группы в настоящее время, провела М. В. Осорина.

Она рассматривала концепцию мира в сознании отдельного человека и формирование этой концепции на разных этапах развития ребенка. Формирование образа мира происходит вследствие овладения пространством: своего тела, отчего дома, места, где ребенок живет. Территориальное пространство ребенка увеличивается по мере его взросления. Он познает каждое из этих мест, притом переходит от социально–бытового к глубинно–значимому познанию. Когда территория ребенка расширяется и выходит за границы своего двора, он обживает ее совместно с другими детьми (Осорина, 1999).

По мнению автора, собираясь в группы, дети начинают посещать места, до того времени бывшие запретными. Эта территория по М. В. Осориной, включает в себя “границы”, “пути”, по которым любит ходить каждый отдельный ребенок, и “место” – локус пространства, где существо

удовлетворяет какие-либо потребности и испытывает определенные чувства. Такими местами являются места для игр, “страшные” места, места экзистенциально-философских и религиозных переживаний, “интересные” места, места встреч, места уединения. Уникальный материал был собран автором о “штабах”, которые строили дети на своей территории.

Группа способствует формированию групповой идентичности через проработку идеи “Мы” в совместных прогулках, играх, шалостях и т. п. Принадлежность к группе усиливается использованием тайных “языков”, непонятных непосвященным.

В исследовании Р. Харта раскрываются особенности территориального поведения детей маленького американского городка. Он установил, что с 7 до 14 лет границы пространства, которое обживают дети, стремительно расширяются. По мнению автора, это связано с поступлением детей в школу. Мальчики всегда занимают территорию в 1,5–2 раза большую, чем девочки. В возрасте 14 лет дети уже не склонны исследовать новые пространства, а живут в известных им пределах (Hart, 1978). Забегая вперед, отметим, что по нашим данным в таком возрасте большинство детей уже выходит из самостоятельной детской группы. Следовательно, территория расширяется до тех пор, пока это нужно группе, а активное исследовательское поведение – скорее в интересах группы, а не каждого отдельного ребенка.

В настоящее время увеличилось количество исследований, посвященных детской субкультуре, в которых группа детей и подростков (обычно всех детей независимо от возраста называют «дети») рассматривается как фактор сохранения и передачи специфического содержания субкультуры: ценностей, традиций, ритуалов, языка и фольклора, артефактов и т.п. (Майорова–Щеглова, 2009; Дейч & Галеева, 2017; Гаврилова & Морозова, 2013) и др. Некоторые авторы рассматривают ценности группы, как автономные, т.е. создаваемыми в самой группе (Майорова–Щеглова, 2009), другие (Гаврилова & Морозова, 2013) считают субкультуру зависимой от взрослой культуры.

Утверждается, что детские группы, сегрегированы по признаку пола с дошкольного возраста (Мальц, Боркер, Хартуп, & Маккоби, 2000) по (Rohmann, 2005) их члены враждебны по отношению к другим группам, они устроены по образцу неформальных образований в тюрьме (есть главари, отверженные и т.п.) (Мудрик, 2000). Отмечается увеличение влияния криминального мира на детские группы, нормы которого накладываются на структуру и деятельность группы (Салагаев, 2005), а также жесткий контроль группы за своими членами.

В исследованиях речь идет о группах подростков (после 14 лет), которые возникли скорее всего в рамках формальных официальных групп

(одновозрастные, оппозиционные к взрослым), и которые слабо связаны с ценностями общества.

Изложение материала

Results

Состав группы

Наше эмпирическое исследование посвящено самодеятельной детской группе в Латвии. Ее можно определить, как группу, самостоятельно создаваемую детьми по месту жительства вне официальных институтов воспитания, однако связанную с взрослыми. Выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных принимали участие в самодеятельной детской группе. В нее входили дети от 6–7 до 14 лет. Из всех опрошенных только около 15 % росли вне группы. Гораздо меньше дети участвовали в группах во время войны (запрет играть в лесу, раннее включение в трудовую деятельность). Но уже в первые послевоенные годы практически все опрошенные активно в них участвовали.

Обращает на себя внимание факт, что взрослые (родители опрошенных) знали или догадывались о существовании группы, но относились к этому с пониманием и не запрещали ребенку там бывать. Так же терпимо относились взрослые к фактам проделок детей, о чем речь ниже. Это заставляет думать, что самодеятельная детская группа, хоть и негласно, контролируется взрослыми. Механизм контроля основывается, прежде всего, на ценностных ориентациях семьи. Ребенку с определенного момента доверяют, так как знают, что ничего особо плохого он не сделает.

Половой состав группы, где позволяли обстоятельства, всегда смешанный – участвуют дети обоих полов. Иногда дети близлежащих домов, объединяющиеся в группу, бывали одного пола. Группа, особенно у людей старшего поколения, иногда состояла из родственников. Так как детей в семье было больше, они чаще играли вместе. Однако в родственной группе, по сравнению с “чужой”, было больше конфликтов, жалоб родителям и меньше эмоциональная удовлетворенность общением. Участники отмечали, что больше любят играть с чужими детьми.

Никакой дискриминации по половому признаку не обнаружено. Как правило, не было и дискриминации по национальному признаку, особенно в городских группах.

Особое внимание привлекло то обстоятельство, что в каждой группе был и “негласный” участник. Это был взрослый, который всегда замечал детскую группу, следил за ее перемещениями, делал замечания. Не принимая детского поведения и особенно его отклонения от норм взрослого общества, такой участник фактически находился на социальном уровне

детей, т.к. дела группы его очень интересовали. Характерно, что проделки, которые чинили дети по отношению к нему, не были по мнению участников особо плохими. Так, в одной из групп мальчик забрался на крышу сарая, чтобы напугать взрослого. Когда тот зашел в сарай, чтобы подоить корову, ребенок стал прыгать на крыше. Ветхая крыша провалилась, и ребенок упал внутрь.

В группе были также кандидаты в участники – дети 5–6 лет. Их редко брали с собой, так как они быстро уставали, не могли убежать с места происшествия, могли выдать тайны.

Выяснилось, что в самодеятельной детской группе устанавливаются иерархические отношения.

Иерархические отношения в группе детей имеют свои особенности. В целом ценностные ориентации группы зависят от таковых у старшего ребенка. Однако дети противятся особо дерзким планам и оспаривают их (“Я не буду в этом участвовать, это плохо”). Поэтому происходит отбор целей деятельности группы по степени соответствия моральным требованиям, которые дети усвоили в семье. Если группа все же совершает недопустимый в моральном плане поступок, она распадается. Участники избегают общения друг с другом, а о происшедшем вспоминают со стыдом.

Таким образом, самодеятельная группа детей из нормальных семей может существовать только в некоем моральном поле, заданном обществом. Этим описываемая нами группа отличается от асоциальной детской группы, которая не только не зависит от общества, но и настроена по отношению к нему враждебно. В последнем случае происходит резкое снижение ценностных ориентаций группы и ее проделки становятся дерзкими, циничными и разрушительными.

В установленном нами факте связи характера деятельности группы и ее ценностных ориентаций нет ничего нового. Это в свое время открыл А. В. Петровский при исследовании социально–психологических характеристик группы (Петровский, 1982). Мы лишь хотим подтвердить, что группа является этапом социализации лишь будучи зависимой от общества. Если она “отпадает” от общества, то из этого состояния никогда не поднимется до уровня нормальной самодеятельной детской группы, так как социальная (вернее, асоциальная) идентичность формируется на фоне очень слабой личностной идентичности. Иерархия в асоциальной группе сродни отношениям в тюремном сообществе.

За годы наших исследований изменился характер детской группы. Поскольку в сельской местности детей очень мало, самодеятельных групп фактически не осталось. Они стали формироваться на основе формальных групп (например, школьных классов), представляя альтернативу формальной группе и взрослому сообществу.

Вернемся к характеристике самодеятельной детской группы. Участники подчинялись обычно старшему по возрасту ребенку, будь то мальчик или девочка. Положение в группе ребенком никогда не оспаривалось, но принималось как должное. Старшим детям подчинялись охотно. Ребенок бывал всегда доволен своим положением, т.к. низкого статуса в нормальной группе не существовало. Это напоминало семью, где при нормальной иерархии никто не претендует на место другого.

Конфликтов в группе было очень мало и происходили они почти исключительно между сверстниками, т. е. детьми одного возраста. Отношение старшего в группе к младшим детям и самих детей друг к другу было дружелюбное и помогающее. Участники группы помогали товарищам справиться с травмами, спрятаться, когда попадались на проделках и т. д.

Территория группы

Территория группы сильно различалась у городских и сельских детей. По размеру самая большая территория бывала у детей из провинциальных городков. Так, в городке У. с населением 1200 человек территория группы простиралась от знака въезда до знака выезда из города. Время от времени дети помечали официальные знаки своими отметинами: раскрашивали, заклеивали и т.п. За этим следовала территория сельских самодеятельных детских групп, а затем – городских.

Территория сельской группы находилась в отдалении от обжитых мест, но не очень далеко, так, чтобы дети могли достаточно быстро туда попасть. Место, где дети проводили основную часть времени, бывало отделено кустами или живой изгородью. В лесу дети редко устраивали места сбора, как и у отдельно стоящих деревьев.

Места, принадлежащие группе, передавались “по наследству” от поколения к поколению детей. Иногда места становились недостаточно защищенными вследствие хозяйственной деятельности взрослых. Так, на территории одной из групп в Видземе проводились работы по осушению земель. Дети, работая все свободное время, засыпали канавки, но утром рабочие их восстанавливали. Сами дети понимали незаконность таких действий и не могли разумно объяснить своих поступков.

Кроме мест для сбора и для игр, на территории группы бывали наблюдательные пункты – “штабы”. Их сооружали на деревьях из досок, палок, жести и других подручных материалов. Во многих местах на территории Латвии в начале исследования были обнаружены такие штабы.

В сельских группах штабы строились реже. Это объясняется, видимо, большей свободой детей в выборе убежища и наблюдательного пункта и большим количеством естественных укрытий на территории группы.

Таким образом, жилища можно было условно разделить на самодельные и используемые. Самодельные жилища очень разнообразны,

но у мальчиков это настоящие укрытия, в которых можно жить (землянки, блиндажи, пещеры), а у девочек – временные пристанища (навесы из лоскутов, шалаши, укромное место в кустах), которые скорее обозначают жилище, чем являются им. Если группа разделялась на чисто женскую и мужскую, дети тайно посещали жилища друг друга. Интересно отметить, что дети восхищались работой друг друга.

Самодельная детская группа имела также свои “охотничьи угодья” – места для добывания пищи и других ресурсов. Они включали заросли ягодников, орехов, щавеля, заячьей капусты, а также, частично, огороды местных жителей и их сады.

Питание детей группы менялось от поколения к поколению. Дети начала XX века не могли выносить из дому пищу (“Не ходи по улице с куском!”): ее следовало освятить молитвой и съесть за столом. Крошки следовало собрать и съесть. Пищей дорожили, к тому же время для еды было довольно строго определено. Поэтому, как описывали сами участники групп, есть не хотелось, и из дому ничего не выносили. В более голодные военные годы еда стала большой ценностью и также никогда не похищалась.

Дети поколения 70–80-х годов довольно часто выносили пищу из дому, чаще всего хлеб, однако, как сами признавались, не любили этого делать. Сама суть пребывания в группе – выживание без помощи взрослых – требовала иного способа добывания пищи. Дети находили и пекли на костре съедобные грибы, собирали корни, ягоды, орехи, множество съедобных трав (щавель, заячья капуста, чина клубненосная, медуница, акация (цветы) и др.). Хорошо знали дети ядовитые свойства растений. За еду главным образом отвечали девочки. Они же иной раз пробовали неизвестные растения. Выяснилось, что размер группы влиял на исследовательское поведение девочек. Чем меньше группа, тем чаще случались случаи “неправильного” употребления растений в пищу. Можно считать, что дети питались как вегетарианцы, так как опрошенные ни разу не упомянули о животных трофеях. Более того, всех найденных погибших птиц, зверей хоронили и оплакивали.

На территории группы находилось кладбище для животных и птиц. Его устраивали в уединенном и тихом месте. В сельских группах кладбище существовало десятки лет. Есть факты, свидетельствующие, что на одном и том же кладбище хоронили животных три поколения детей – бабушки, матери и внуки (несколько групп в Курземе, Видземе, Латгале). В исследовании Е. Е. Бычковой (Бычкова, 2012) описаны сложные практики захоронения детьми животных, птиц и насекомых, которые повторяют погребальные обряды взрослых. Мы не выявили такого заимствования, хотя некоторые дети ставили на могилы животных кресты.

В группе имелись места, где дети пугались: заброшенные дома, подвалы и т. д. Интересно отметить, что страшным казалось что-то разрушенное, сломанное, т. е. в известном смысле оскверненное. Надо отметить, что уровень страха и тревожности, связанный с природой был очень низким. Это очевидно связано с характерным для группы бережным отношением к природе вообще и к природным ресурсам в частности. Дети никогда не ломали кустов просто из озорства, не портили насаждения в чужом саду (хотя и брали с него часть урожая).

Территория городской группы была более компактной и чаще включала уже готовые постройки (сарай, чердаки, подвалы и т. д.). Иногда дети занимали незаконченную стройку. Главный штаб имел обычно два выхода. Природа в городской группе бывала представлена одним деревом или несколькими кустами. Часто у городской группы была “загородная” территория – лес или поле, которые взрослые запрещали посещать, так как она находилась в отдалении от места жительства (Рига, конец 40–х, 70–е–80–е и 90–е годы).

“Добыча” городских детей состояла из пустых бутылок, еще годных вещей со свалок и других отходов. Своя специфика была и в добывании пищи. Так, в 80–е годы дети одной из групп сторожили место, где стояла очередь за квасом из бочки. Когда люди расходились, а бочку увозили, дети просеивали землю и добывали достаточно много мелочи, которой хватало на лимонад и хлеб. Эта деятельность продолжалась, пока детям не надоело.

В послевоенных городских группах в качестве элемента территории появились так называемые “секретики”. “Секретик” представляет собой маленькое хранилище для “сокровищ”, состоящих из бусинок, камешков, картинок и цветов, которое устраивается в ямке. Сверху ямка прикрывается стеклом и присыпается землей, а затем землю раздвигают и делают окошко. Подобная практика была неизвестна более ранним группам.

В работе М. В. Осориной дается объяснение указанному элементу детской деятельности российских детей. “Секретиками” дети помечают территорию, принадлежащую группе, воздают природе за тот ущерб, который ей наносят, и приносят жертву. Кроме того, “секретик” придает месту очарование, как бы освящает его.

Можно считать, что “секретики” – чисто славянское заимствование в латвийских группах, так как группы, деятельность которых протекала в глубинке, о нем даже не слышали. Думается, специфика отношения к природе у самодеятельной детской группы на территории Латвии (очень бережного), делала жертву природе ненужной. Характерно, что среди самых больших грехов периода группы дети вспоминают какой-либо вред, причиненный природе (вырвали цветок в лесу, вбили гвоздь в ствол дерева и т. п.).

Важным элементом консолидации группы были специальные средства общения. Дети придумывали приемы, позволяющие общаться с членами группы так, чтобы посторонние не понимали. Это и специальные знаки на стенах, на дороге, на деревьях, и специальные языки, и шифрованные записки. Языковое творчество детей было очень широким, но больше выдумки проявляли городские дети. Язык помогал распознавать “своих” и усиливал групповую идентичность. Интересно, что даже в пределах своей территории члены группы любили говорить на специальном языке.

Деятельность самодетельной детской группы

Главной деятельностью группы, помимо обустройства территории и осуществления насущных нужд, были проделки. Перечень проделок очень велик. Это и подглядывание за соседями, и обзывание пьяных взрослых, и уничтожение у пьяных взрослых бутылок с алкоголем, и попытки напугать кого-либо, и посещение соседских огородов и садов. Как уже упоминалось, воровство с огородов и садов дети не считали большим проступком. В последнем случае жалобы на детей поступали только тогда, когда они наступали на грядки, обламывали ветки и т.п. Это еще раз подтверждает факт терпимого отношения большинства взрослых к детским проделкам.

Условно проделки детей можно разделить на несколько групп:

1. Обустройство территории и жилищ с использованием материалов, добытых не совсем законным путем.
2. Деятельность по добыванию еды.
3. Игры, объединяющие игру с реальной действительностью.

На определенном этапе развития группы дети как бы включают в свои игры реальный мир, т. е. нарушают законы как самой игры, так и законы реального мира.

В одной из групп, например, дети, усевшись за кустами, следили за соседями и заводили на них полицейские “досье”. Досье были именными, т. е. на каждого из соседей отдельно. Например, “Янис Озолс вел машину в состоянии алкогольного опьянения”. В “досье” заносились данные о том, кто и когда ехал с превышением скорости, кто ругался со своей женой или похитил чужое имущество. Детский “суд” “присуждал” подозреваемому различные сроки заключения. Когда “досье” стали очень обширными, детям стало казаться, что они занимаются чем-то плохим. Они отнесли папки в урну и подожгли. Урна загорелась, а за ней – деревянная стена дома, и люди вызвали пожарников. Сидя в укрытии, дети с ужасом следили за происходящим и тут же поклялись никогда не осуждать других людей.

Данный случай очень показательный в том отношении, что соединение игры с реальной действительностью чаще всего оканчивается плачевно. В данном случае дети нарушили нравственный закон неприкосновенности личности. По отношению к заведомо виноватым в чем-то людям, например,

пьяным, чувство вины было меньше, однако тоже присутствовало. Всякий раз, когда дети включали в свою деятельность взрослых без их ведома, игра переставала нравиться и заканчивалась с неприятным чувством. Единственным взрослым, общение с которым в рамках самодетельной детской группы приносило радость, был взрослый, который преследовал детей, делал им замечания, т. е. фактически участвовал в группе.

Выяснилось, что у представителей старшего поколения (довоенное поколение) занятия в группе включали проделки очень редко. Они как бы перемещались во времени и принадлежали юношеству. В силу этого их характер был более дерзок. В этом возрасте группа становилась однородной по половой принадлежности.

Кроме проделок и шалостей, отдельные группы иногда совершали и добрые дела. “Период добрых дел” следовал после бурного периода проделок. Добрые дела включали в себя помощь престарелым соседям, очистку истоков и русла ручьев, уход за брошенными могилами на кладбище.

Проделки играли очень важную роль в коррекции нравственных и моральных норм участников группы. Дети в своих самоотчетах описывали отношение к принимаемым группой решениям.

Многие противились сомнительным предприятиям, замышляемым другими детьми. Кроме этого, сами проделки вызывали у детей противоречивые чувства, которые с течением времени перерастали в твердое убеждение о недопустимости аморальных действий.

К аморальным действиям дети относили неуважительное отношение к людям, высмеивание людей, ущерб природе, включение в свои игры в качестве героев посторонних людей, собственная инициатива в делах, относящихся к компетенции взрослых, присвоение чужого имущества, жестокое отношение к животным и т. д.

В ходе исследования были выявлены *особенности отношений* в самодетельной детской группе.

- Группа построена иерархически.
- Лидером выступает старший член группы.
- Решения в группе обсуждаются и оспариваются.
- Каждый отдельный член группы не зависим от группы, т.к. он подчиняется ей добровольно.
- Уровень идентичности личности выше, чем групповая идентичность.
- Члены группы в целом лояльны к взрослым.

Особенности отношений в асоциальной детской группе:

- Группа устроена по принципу криминального сообщества.
- Главарь группы жестко контролирует членов группы и пресекает попытки бунта.
- Решения о действиях группы принимаются главарем и его приближенными.
- Все члены группы зависят от групповых решений.
- Групповая идентичность у членов группы выше, чем личностная.
- Дети враждебно настроены по отношению к взрослым и к обществу в целом, особенно когда они находятся в группе.

В последнее десятилетие самодеятельная детская группа как институт традиционной социализации практически исчезла. По нашим данным, стали формироваться неформальные группы в рамках школьных классов. Они в большинстве случаев одновозрастные. Большинство из них устроены как асоциальные детские группы, поскольку ослабла связь с ценностями взрослого общества и исчез контроль со стороны родителей, т.к. группа перестала быть соседской, т.е. территориальной. Вследствие этого влияние групповой деятельности на развитие каждого ребенка скорее негативное, т.к. в рамках такой группы ребенок несвободен и зависим от асоциальных установок группы.

Выводы *Conclusions*

Анализ полученных в нашем исследовании данных позволяет сделать некоторые выводы:

Самодеятельная детская группа – очень устойчивое образование, которое охватывало раньше почти всех детей. В силу этого, она играла важную роль в социализации детей в возрасте от 6–7 до 14 лет.

Самодеятельная детская группа – первое человеческое сообщество, где ребенок чувствует себя безусловно счастливым, так как:

- оно построено на добровольных началах;
- ребенок доволен местом, занимаемым в группе;
- он справляется с возникающими перед ним задачами.

В нормальную группу включаются дети, уровень личностной идентичности которых превышает уровень групповой идентичности. Это соотношение указанных уровней сохраняется на всем протяжении участия отдельного ребенка в группе.

Нормальная группа является частью общества. Взрослые относятся к ней терпимо, знают о ее существовании и о характере деятельности детей.

Существует духовная преемственность между ценностями взрослых и детей – участников группы.

Самая важная часть деятельности группы, проделки, способствует коррекции ценностей каждого ее участника. Проделки являются своего рода “прививкой” против асоциальных поступков человека.

Если в группу объединяются дети, потерявшие (или не имевшие) духовной связи с воспитавшими их взрослыми, группа становится асоциальной. Групповая идентичность со временем становится выше личностной, и ребенок становится зависим от групповых ценностей, которые в силу оторванности группы от взрослых бывают очень низкого уровня. Пребывание в такой группе не способствует личностному росту ребенка, оно заменяется подчинению групповым нормам. Возвращение из такой группы к ценностям общества для каждого из участников проблематично. Оно, очевидно, возможно только при повторной первичной социализации каждого отдельного участника асоциальной группы, т. е. при живом участии доброго взрослого в судьбе каждого отдельного ребенка.

Summary

Our empirical research is devoted to a self-regulated children's group in Latvia. It can be defined as a group created independently by children outside the formal institutions of education. For the collection of data, **methods** such as *a survey, a conversation and a self-report* were used. The age range of the respondents is very wide – four generations of former children (about 800 respondents). Students of the RTTEMA (RPIVA) took part in the study. The analysis of the data considered the sex and age of the children, the place of residence (urban or rural group), as well as the region of Latvia where the child grew up. The composition of the group, its territory, habitats, nutrition of the group members, main activity was studied.

In the process of research, the peculiarities of relations in a normative and in an asocial self-regulated children's group were determined.

The normative group is built hierarchically, the leader of the group is the senior member of the group, the decisions in the group are discussed and contested, each individual member of the group is independent of the group as he obeys it voluntarily, and the development of the identity of the individual is higher than the group identity. Members of the group as a whole are loyal to adults.

The antisocial children's group is organized according to the principle of a pack, the group leader strictly controls the members of the group and suppresses attempts of rebellion, decisions about the group's actions are taken by the leader and his associates, and all members of the group depend on group decisions. Group identity among members of the group is higher than personal. Children are hostile to adults and society in general, especially when they are in a group.

Conclusions. The analysis of the data obtained in our study allows us to draw some conclusions:

The self-organized children's group is a very stable formation, which until the beginning of the 90s covered almost all children. Because of this, it played a significant role in the socialization of children between the ages of 6–7 and 14 years.

The self-organized children's group is the first human community where the child feels absolutely happy, because:

- it is built on a voluntary basis;
- the child is happy with the place occupied in the group;
- he copes with the tasks arising before him.

The normal group includes children whose level of personal identity exceeds the level of group identity. This ratio of these levels is maintained throughout the duration of the participation of an individual child in the group.

A normal group is a part of society. Adults treat it tolerantly, they know about its existence and the nature of the activities of children. There is a spiritual continuity between the values of adults and children – members of the group.

The most important part of the group's activities is tricks or pranks, which contribute to the correction of the values of each participant. The tricks are a sort of “vaccination” against the person's antisocial behavior.

If the group is formed by children who have lost (or did not have) a spiritual connection with the adults who brought them up, the group becomes antisocial. Group identity over time becomes more personal, and the child becomes dependent on group values, which, due to the severance of the group from adults, are very low.

Participation in such a group does not contribute to the child's personal growth, it is replaced by subordination to group norms. Return from such a group to the values of society for each of the participants is problematic. It is obviously possible only with the repeated primary socialization of each individual participant in the antisocial group, that is, with an active participation of a kind adult in the fate of each individual child.

Литература References

- Demogrāfija* (2017). Retrieved from http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/nr_11_demografija_2017_17_00_lv_en.pdf
- Hart, R. (1978). *Children's Experience of Place: A Developmental Study*. New York: Irvington Publishers, Inc. Retrieved from <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/lurie.pdf>
- Krūmiņš J., & Krišjāne, Z. (2017). *Demogrāfiskā attīstība Latvijā: problēmas un izaicinājumi*. Retrieved from http://www.lza.lv/LZA_VestisA/70_3/6_Juris%20Krumins,%20Zaiga%20Krisjane.pdf
- Rohmann, T. (2005). *Geschlechtertrennung in der Kindheit: Empirische Forschung und pädagogische Praxis im Dialog*. Braunschweig: Institut für Pädagogische Psychologie der Technischen Universität Braunschweig.
- Базанов, А. Г. (1934). Вогульские дети. *Советский Север*, № 3, 93–95.
- Басенкова, Л. В. (2009). Современная детская игровая субкультура и моделирование социальных отношений. *Вестник Вятского государственного университета*, 4, 96-98. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-detskaaya-igrovaya-subkultura-i-modelirovanie-sotsialnyh-otnosheniy>
- Богораз –Тан, Н. Г. (1934). *Чукчи. Часть 1*. Ленинград: Институт народов Севера ЦИК СССР.
- Брайант, А. Т. (1953). *Зулусский народ до прихода европейцев*. М: Издательство иностранной литературы.

- Гаврилова, К., & Морозова, М. (2012). Детский фольклор и институты детства: XV *Виноградовские чтения – V Строгановские чтения*.
- Бычкова, Е. Е. (2012). Практика захоронения животных, птиц, насекомых в детской культуре. *Детский фольклор и институты детства: XV Виноградовские чтения – V Строгановские чтения*. Retrieved from http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2013_18/
- Головин, В. В. (2012). Дети и деньги. *Детский фольклор и институты детства: XV Виноградовские чтения – V Строгановские чтения*, Retrieved from http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2013_18/
- Дейч, Б. А., & Галеева, Н. В. (2017). Динамика содержания дополнительного образования детей в контексте развития субкультуры детства. *Сибирский педагогический журнал*, 1, 18 – 23. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-soderzhaniya-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detey-v-kontekste-razvitiya-subkultury-detstva>
- Косвен, М. О. (1957). *Очерки истории первобытной культуры*. Москва: АН СССР.
- Майорова-Щеглова, С. Н. (2009). *Детская субкультура – неинституционализированный сектор детства*. Retrieved from http://www.childsoc.ru/doc/child_sub_kult.pdf
- Маслинский, К. А. (2012). Школьная дисциплина сквозь призму детского фольклора. *Антропологический форум*, 19, 176 – 193. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnaya-distiplina-skvoz-prizmu-folklor>
- Матлин, М. Г. (2012). *Детский фольклор в социально-культурном пространстве городского коммунального дома конца 50-х-начала 60-х г.г.* // *Детский фольклор и институты детства: XV Виноградовские чтения – V Строгановские чтения, 2012*. Retrieved from http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2013_18/
- Мид, М. (1988). *Культура и мир детства*. Москва: Наука
- Мудрик, А. В. (2000). *Социальная педагогика*. Москва: Академия.
- Осорица, М. В. (1999). *Секретный мир детей в пространстве мира взрослых*. Санкт-Петербург: Питер
- Петровский, А. В. (1982). *Личность. Деятельность. Коллектив*. Москва: ИПЛ
- Рытхэу, Ю. С. (1967). *Время таяния снегов*. Москва: Молодая гвардия
- Салагаев, А. Л. (2005). Исследование подростково – молодежных делинквентных сообществ в России и в бывшем СССР. *Девиянтное поведение в современной России в фокусе социологии*. Москва: Институт социологии РАН.
- Хекхаузен, Х. (1982). *Мотивация и деятельность*. Том 1. Москва: ИПЛ.
- Эльконин, Д. Б. (1966). Основные вопросы теории детской игры. *Психология и педагогика игры дошкольника*. Москва: Просвещение, 1 – 30.
- Эриксон, Э. (1996). *Детство и общество*. Санкт-Петербург: Ленато, АСТ, Университетская книга.